

Константин Дмитриевич Бальмонт

Стихотворения

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986577
Стихотворения: АСТ; Москва; 2006
ISBN 5-17-033270-X, 5-9713-0815-7, 5-9578-2837-8

Аннотация

В данный сборник вошли стихотворения известного поэта Константина Бальмонта.

Содержание

Ранняя пора	5
Лунный свет	5
«Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...»	6
Челн томленья	7
«О женщина, дитя, привыкшее играть...»	8
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	9
Камыши	10
Ковыль	11
Лебедь	12
Ветер	13
«Я вольный ветер, я вечно вею...»	14
Узорное окно	15
Горящие здания	16
1. Из записной книжки	16
2. Из записной книжки	17
Мои враги	17
3. Из записной книжки	19
Крик часового	19
Кинжальные слова	20
Слово завета	21
Как испанец	21
Скифы	22
В глухие дни	22
Опричники	23
Смерть Димитрия Красного	24
Скорпион	25
«Я люблю далекий след – от весла...»	25
Среди камней	26
Белладонна	26
Я буду ждать	27
Нежнее всего	28
Замок Джэн Вальмор	28
Чары месяца	32
«Можно жить с закрытыми глазами...»	35
Лесной пожар	35
В душах есть всё	38
В тюрьме	40
Избранный	40
Раненый	41
Проклятие глупости	41
Уроды	42
Кузнец	42
Проповедникам	43
Хвала сонету	43
Я не из тех	44
Ожесточенному	44

Разлука	45
Аромат солнца	45
Воспоминание о вечере в Амстердаме	46
Исландия	46
«Нам нравятся поэты...»	47
К Бодлеру	47
К Лермонтову	48
«Мой друг, есть радость и любовь...»	49
Оттуда	49
Луна	49
«Я в глазах у себя затаил...»	50
И да и нет	50
Майя	53
Индийский мотив	53
Индийский мудрец	54
Альбатрос	54
Будем как солнце	55
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»	55
«Будем как солнце! Забудем о том...»	56
Голос заката	57
Гимн Огню	59
Воззвание к океану	62
Льдины	63
С морского дна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Константин Бальмонт

Стихотворения

Ранняя пора

Лунный свет *Сонет*

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Плняясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах; как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу – луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.
Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

1894

«Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...»

Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет – мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений и борьбы,
Когда заносит грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной судьбы.

И что мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастье? О нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет
И поведет меня путем тернистым бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И – что всего страшней – быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья —
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

1894

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

«О женщина, дитя, привыкшее играть...»

О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе – за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

1894

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем сильнее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор,

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1895

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.
И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего? – камыши говорят, —
Зачем огоньки между нами горят?»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

1895

КОВЫЛЬ

И. А. Бунину

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному
И, непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

1895

Лебедь

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.
Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

1895

Ветер

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим
И под влажным мерцаньем луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской волны.
Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанным,
В ненасытной тревоге живу.

1895

«Я вольный ветер, я вечно вею...»

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном
И гром проснется в немом просторе.
Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

1897

Узорное окно

На бледно-лазурном стекле
Расписаны ярко узоры.
Цветы наклонились к земле,
Скала убегает к скале,
И видно, как дремлют во мгле
Далекие снежные горы.
Но что за высоким окном
Горит нерассказанным сном
И краски сливает в узоры?

Не дышит ли там Красота
В мерцании мира и лени?
Всхожу, – и бледнеет мечта,
К печали ведет высота,
За ярким окном пустота, —
Меня обманули ступени.
Все дремлет в немой полумгле,
И только на мертвом стекле
Играют бездушные тени.

1897

Горящие здания **Лирика современной души**

1899. Осень

*Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.*
Бальмонт

1. Из записной книжки **(1899)**

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх, бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

Эта книга не напрасно названа лирикой современной души. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. Я не уклонялся от самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам. В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немотствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я.

У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя.

В предшествующих своих книгах – «Под северным небом», «В безбрежности», и «Тишина» – я показал, что может сделать с Русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое.

В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу.

Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.
Имение Поляковых «Баньки»
Московского уезда

2. Из записной книжки (1903)

Мои враги

О да, их имена суть многи,
Чужда им музыка мечты.
И так они серо-убоги,
Что им не нужно красоты.

Их дразнит трепет скрипки страстной
И роз красивых лепестки.
Едва махнешь им тканью красной,
Они мнутся, как быки.

Зачем мы ярких красок ищем,
Зачем у нас так светел взгляд!
Нет, если вежлив ты, пред нищим
Скрывай, поэт, что ты богат.

Отдай свой дух мышинным войнам,
Забудь о бездне голубой:
Прилично ль быть красиво-стройным,
Когда уроды пред тобой!

Подслеповатыми глазами
Они косятся на цветы.
Они питаются червями,
О, косолапые кроты!

Едва они на солнце глянут, —
И в норы прячутся сейчас:
Вдруг вовсе видеть перестанут,
И станут дырки вместо глаз.

Но мне до них какое дело,
Я в облаках моей мечты.
С недостижимого предела
Роняю любящим цветы.

Свечу и жгу лучом горячим
И всем красивым шлю привет.
И я ничто — зверям незрячим,
Но зренью светлых — я расцвет!

*14 августа. День.
Меррекуль Эстляндской губ.*

3. Из записной книжки (1904)

Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили – и погасли для тебя, их написавшего. Они дороги и чужды, как лепестки подаренных увядших цветов, как письма женщин, в которых ты пробудил непонятность, что зовется любовью, как выцветшие портреты отошедших людей. Вот я смотрю на них, и многое в этом старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собой свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко-постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником. Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкавшего потока времени, несколько страстных рубинов, и несколько горячих испанских гвоздик, и несколько красных мировых роз.

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я уйду, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова и снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы.

Я откидываюсь от разума к страсти, я опрокидываюсь от страстей в разум. Маятник влево, маятник вправо. На циферблате ночей и дней неизбежно должно быть движение. Но философия мгновенья не есть философия земного маятника. Звон мгновенья – когда его любишь как я, – из области надземных звонов.

Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя – Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время тайно люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я – действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные зданья во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побыл с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое Вчера. Скорей к неизвестному Завтра!

*3 января. Ночь.
Москва*

Крик часового Сонет

*Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear;
mi cama, las duras pecas,*

mi dormir, siempre velar.
Romance de Moriana

*Мой наряд – бранные доспехи,
Мое отдохновение – где битва и беда,
Моя постель – суровые утесы,
Мое дремать – не спать никогда.*
Старинная испанская песня

Пройдя луга, леса, болота, горы,
Завоевав чужие города,
Солдаты спят. Потухнувшие взоры —
В пределах дум. Снует их череда.
Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда, —
Солдаты спят, как нищие, как воры.
Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Все спит. И пусть. Я – верный – тут.
До завтра сном беспечно усладитесь.
Но чу! Во тьме – чуть слышные шаги.
Их тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Кинжальные слова

I will speak daggers.
Hamlet¹

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!
Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!

¹ Я буду говорить резко. Гамлет (англ.).

Слово завета

*Oh hombre! pregunta a los brutos
irracionales, qui ellos te ensecaran...*
*Diego de Estella*²

О человек, спроси зверей,
Спроси безжизненные тучи!
К пустыням вод беги скорей,
Чтоб слышать, как они певучи!
Беги в огромные леса,
Взгляни на сонные растенья,
В чьей нежной чашечке оса
Впивает влагу наслажденья!
Им ведом их закон, им чуждо заблуждение.

Зачем же только ты один
Живешь в тревоге беспримерной?
От колыбели до седин
Ты каждый день – другой, неверный!
Зачем сегодня, как вчера,
Ты восклицанье без ответа?
Как тень от яркого костра,
Ты в ночь бежишь от места света,
И чаща вокруг тебя безмолвием одета.

Проникни силою своей
В язык безмолвия ночного!
О человек, спроси зверей
О цели странствия земного!
Ты каждый день убийцей был
Своих же собственных мечтаний,
Ты дух из тысячи могил, —
Живи, как зверь, без колебаний! —
И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий!

Как испанец

Как испанец, ослепленный верой в бога и любовью
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

² О человек, спроси неразумных тварей, они тебя научат... *Диего де Эстелья (исп.)*.

Я, родившийся в ущелье, под Сиеррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Перу засветились небеса.
Меди, золота, бальзама, бриллиантов и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.
И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.
И быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу солнце, солнце, солнце – красное, как кровь.

Скифы

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский³ с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим, и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в колчане,
Наша гордость – в не знающем отдыха быстром коне.

В глухие дни Предание

В глухие дни Бориса Годунова,

³ Ольвия – греческий город-государство на берегу Бугского залива; во II в. до н. э. попал под власть скифских племен.

Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» —
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот – озверены и не одеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

Опричники

Когда опричники, веселые, как тигры,
По слову Грозного, среди толпы рабов,
Кровавые затеивали игры,
Чтоб увеличить полчище гробов, —
Когда невинных жгли и рвали по суставам,
Перетирали их цепями пополам
И, в добавленье к царственным забавам,
На жен и дев ниспосылали срам, —

Когда, облив шута горячею водою,
Его добил ножом осwirепевший царь, —

На небесах, своею чередою,
Созвездья улыбаются, как встарь.

Лишь только эта мысль в душе блеснет случайно,
Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя.
О, если мир – божественная тайна, —
Он каждый миг клеветает на себя!

Смерть Димитрия Красного *Предание*

Нет, на Руси бывали чудеса
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, доли,
Врываясь в села шайками теней,
Терзали нас бесчинные монголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный,
Незримая меж ним и небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщен хотел святых он таин,
Но страшная на нем печать была:
Вкруг рта – все кровь, и он глядел – как Каин.

Толпились бояре, позабыв
Себя – пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздыхнув, заснул, и всем казался мертвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца

И, крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнув чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал —
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полночной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мертвый, стоя, белый, пел псалмы
И толковал значение русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

Скорпион

Сонет

Я окружен огнем кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присужден, —
За то, что я родился безобразным,
За то, что я зловещий скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон
Кошмаром роковым и неотвязным, —
Нет выхода, я смертью окружен,
Я пламенем стеснен многообразным.

Но вот, хоть все ужасней для меня
Дыханья неотступного огня,
Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть я вызов шлю судьбе.
Я смерть свою нашел в самом себе.
Я гибну скорпионом – гордым, вольным.

«Я люблю далекий след – от весла...»

Я люблю далекий след – от весла,
Мне отрадно подойти – вплоть до зла,
И его не совершив – посмотреть,

Как костер, вдали за мной – будет тлеть.

Если я в мечте поджег – города,
Пламя зарева со мной – навсегда.
О мой брат! Поэт и царь – сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты – и горим!

Среди камней

Я шел по выжженному краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что – не знаю,
Но что не думать – я не мог.

И полумертвые руины
Полузабытых городов
Безмолвны были, как картины,
Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышит жизнь в немом затоне,
Что есть бессмертная любовь.

Белладонна

Счастье души утомленной —
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Все позабыть и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны —
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,
Светом луны расцвечаться,
Сердцем с луною встречаться,
Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нет без печали.
Между цветами — змея.
Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной,
Кто расцветет белладонной —
Ты или я?

Я буду ждать

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся — безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом, всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие, —
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты неожиданная
Иль нерожденная звезда,

Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

Нежнее всего

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признание во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, —
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, —
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно
Огнем волшебства своего, —
Нежнее, чем польская панна,
И значит, нежнее всего.

Замок Джэн Вальмор

Баллада

1

В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной,
Толпятся гости с давних пор,
В тоске беспеременной:
Во взор ее лишь бросишь взор,
И ты навеки пленный.

2

Красивы замки старых лет.
Зубцы их серых башен

Как будто льют чуть зримый свет,
И странен он и страшен,
Немым огнем былых побед
Их гордый лик украшен.

3

Мосты подъемные и рвы,—
Замкнутые владенья.
Здесь ночью слышен крик совы,
Здесь бродят привиденья.
И странен вздох седой травы
В час лунного затмения.

4

В старинном замке Джэн Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
Поет струна, встает укор,
А где-то — водопады,
И долог гул окрестных гор,
Ответствуют громады.

5

Сегодня день рожденья Джэн.
Часы тяжелым боем
Сзывают всех, кто взят ей в плен,
И вот проходят роем
Красавцы, Гроль и Ральф, и Свен,
По сумрачным покоем.

6

И нежных дев соседних гор
Здесь ярко блещут взгляды,
Эрглэн, Линор, и ясен взор
Пышноволосой Ады, —
Но всех прекрасней Джэн Вальмор,
В честь Джэн звучат баллады.

7

Певучий танец заструил
Медлительные чары.
Пусть будет с милой кто ей мил.
И вот кружатся пары.
Но бог любви движеньем крыл
Сердцам готовит кары.

8

Да, взор один на путь измен
Всех манит неустанно.
Все в жизни – дым, все в жизни – тлен,
А в смерти все туманно.
Но ради Джэн, о ради Джэн,
И смерть сама желанна.

9

Бьет полночь. «Полночь!» – Звучный хор
Пропел балладу ночи:
«Беспечных дней цветной узор
Был длинен, стал короче».
И вот у гордой Джэн Вальмор
Блеснули странно очи.

10

В полночный сад зовет она
Безумных и влюбленных,
Там нежно царствует луна
Меж елей полусонных,
Там дышит нежно тишина
Среди цветов склоненных.

11

Они идут, и сад молчит,
Прохлада над травой,
И только здесь и там кричит
Сова над головою,
Да в замке музыка звучит
Прощальною мольбою.

12

Идут. Но вдруг один пропал,
Как бледное виденье.
Другой холодным камнем стал,
А третий – как растение.
И обнял всех незримый вал
Волненьем измененья.

13

Под желтой дымною луной,
В саду с травой седой,
Безумцы, пестрой пеленой
И разной чередой,
Оделись формою иной
Пред девою молодою.

14

Исчезли Гроль, и Ральф, и Свен
Среди растений сада.
К цветам навек попали в плен
Эрглэн, Линор и Ада.
В глазах зеленоглазой Джэн —
Змеиная отрада.

15

Она одна, окружена
Теньями ей убитых.
Дыханий много пьет она
Из этих трав излитых.
В ней – осень, ей нужна весна
Восторгов ядовитых.

16

И потому, сплетясь в узор,
В тоске беспеременной,
Томятся души с давних пор
Толпой навеки пленной
В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной.

Чары месяца *Медленные строки*

1

Между скал, под властью мглы,
Спят усталые орлы.
Ветер в пропасти уснул,
С моря слышен смутный гул.

Там, над бледною водой,
Глянул месяц молодой,
Волны темные воззвал,
В море вспыхнул мертвый вал.

В море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышат брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц море победил.

2

Свод небес похолодел,
Месяц миром овладел,
Жадным светом с высоты

Тронул горные хребты.

Все безмолвно захватил,
Вызвал духов из могил.
В серых башнях, вдоль стены,
Встали тени старины.

Встали тени и глядят,
Странен их недвижный взгляд,
Странно небо над водой,
Властен месяц молодой.

3

Возле башни, у стены,
Где чуть слышен шум волны,
Отделился в полумгле
Белый призрак Джамиле.

Призрак царственной княжны
Вспомнил счастье, вспомнил сны,
Все, что было так светло,
Что ушло – ушло – ушло.

Тот же воздух был тогда,
Та же бледная вода,
Там, высоко над водой,
Тот же месяц молодой.

4

Все слилось тогда в одно
Лучезарное звено.
Как-то странно, как-то вдруг,
Все замкнулось в яркий круг.

Над прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Изменяясь едва,
Незабвенные слова.

Море пело о любви,
Говоря: «Живи! живи!»
Но, хоть вспыхнул в сердце свет,
Отвечало сердце: «Нет!»

5

Возле башни, в полумгле,
Плачет призрак Джамиле,
Смотрят тени вдоль стены,
Светит месяц с вышины.

Все сильней идет прибой
От равнины голубой,
От долины быстрых вод,
Вечно мчащихся вперед.

Волны яркие плывут,
Волны к счастью зовут,
Вспыхнет легкая вода,
Вспыхнув, гаснет навсегда.

6

И еще, еще идут,
И одни других не ждут.
Каждой дан один лишь миг,
С каждой есть волна-двойник.

Можно только раз любить,
Только раз блаженным быть,
Впить в себя восторг и свет, —
Только раз, а больше – нет.

Камень падает на дно,
Дважды жить нам не дано.
Кто ж придет к тебе во мгле,
Белый призрак Джамиле?

7

Вот уж с яркою звездой
Гаснет месяц молодой.
Меркнет жадный свет его,
Исчезает колдовство.

Скучным утром дышит даль,
Старой башне ночи жаль,
Камни серые глядят,
Неподвижен мертвый взгляд.

Ветер в пропасти встает,
Песню скучную поет.
Между скал, под влагой мглы,
Просыпаются орлы.

«Можно жить с закрытыми глазами...»

Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все кругом мертво.

Можно жить, безмолвно холодея,
Не считая гаснущих минут,
Как живет осенний лес, редая,
Как мечты поблекшие живут.

Можно все заветное покинуть,
Можно все бесследно разлюбить.
Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

Лесной пожар

Стараясь выбирать тенистые места,
Я ехал по лесу, и эта красота
Деревьев, дремлющих в полуденном покое,
Как бы недвижимо купающихся в зное,
Меня баюкала, и в душу мне проник
Дремотных помыслов мерцающий родник.
Я вспомнил молодость... Обычные мгновенья
Надежд, наивности, влюбленности, забвенья,
Что светит пламенем воздушно-голубым,
И превращается внезапно в черный дым.

Зачем так памятно, немую пеленою,
Виденья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мне нельзя вернуться к чистоте,
И я уже не тот, и вы уже не те.
Вы только призраки, вы горькие упреки,

Терзанья совести, просроченные сроки.
А я – двойник себя, я всадник на коне,
Бесцельно едущий – куда? Кто скажет мне!
Все помню... Старый сад... Цветы... Чуть дышат ветки...

Там счастье плакало в заброшенной беседке,
Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим – увы – моим в шестнадцать лет.
Неподражаемо-стыдливые свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющие в душе лишь в те года:
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый», «Навсегда».
Как сладко вместе быть! Как страшно сесть с ней рядом!
Как можно выразить всю душу быстрым взглядом!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая была!
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Темней ложится тень, сокрыт густым навесом
Родной мой старый сад, смененный диким лесом.
Невинный шепот снов, ты сердцем позабыт,
Я слышу грубый звук, я слышу стук копыт.
То голос города, то гул глухих страданий,
Рожденных сумраком немых и тяжких зданий,
То голос призраков, замученных тобой,
Кошмар, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающих скелетов
С гнилым роскошеством заученных ответов,
Очаг, в чью пасть идут хлеба с кровавых нив,
Где слабым места нет, где силен тот, кто лжив.
Но там есть счастье – уйти бесповоротно,
Душой своей души, к тому, что мимолетно,
Что светит радостью иного бытия,
Мечтать, искать и ждать, – как сделал это я.
Мне грезились миры, рожденные мечтою,
Я землю осенял своею красотой,
Я всех любил, на все склонял свой чуткий взор,
Но мрак уж двинулся, и шел ко мне, как вор.

Мне стыдно плоскости печальных приключений.
Вселенной жаждал я, а мой вампирный гений
Был просто женщиной, познавшей лишь одно, —
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она так медленно раскидывала сети,
Мы веселились с ней, мы были с ней как дети,
Пронизан солнцем был ласкающий туман,
И я на шее вдруг почувствовал аркан.
И пьянство дикое, чумной порок России,
С непобедимостью властительной стихии
Меня низринуло с лазурной высоты

В провалы низости, тоски и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшат воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознание.
Что пользы вспоминать теперь, перед концом,
Что я случайно был и мужем и отцом,
Что хоронил детей, что иногда, случайно...
О нет, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умрет в тебе самом, как умерло давно,
Что было так светло судьбой тебе дано.
Но где я? Что со мной? Вокруг меня завеса
Непроницаемо-запутанного леса,
Повсюду – острые и цепкие концы
Ветвей, изогнутых и сжатых, как щипцы;
Они назойливо царапают и ранят,
Дорогу застыт мне, глаза мои туманят,
Встают преградою смутившемуся дню,
Ложатся под ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они следят за мной, мигают мне глазами,
С кривой улыбкою. Последний луч исчез.
Враждебным ропотом и смехом полон лес.
Вершины шорохом окутались растущим,
Как бы предчувствием пред сумрачным грядущим.
И тучи зыбкие на небе голубом
С змеистой молнией рождают гул и гром.
Удар, еще удар – и вот вблизи, налево,
Исполнен ярости и мстительного гнева,
Взметнулся огненный пылающий язык.
В сухом валежнике как будто чей-то крик,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновение
И замер. И кругом, везде – огонь, шипенье,
Деревьев-факелов кипящий дымный ад
И бури бешеной раскатистый набат.
Порвавши повод, средь чадного тумана,
Как бы охваченный прибоем океана,
Мой конь несет меня, и странно-жутко мне
На этом взмыленном испуганном коне.
Лесной пожар гудит. Я понял предвещанье.
Перед душой моей вы встали на прощанье,
О тени прошлого! Простите же меня
На страшном рубеже, средь дыма и огня!

В душах есть всё

1

В душах есть всё, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создалось первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла усладой певучей,
Совесть, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, —
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо – не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, —
Пламенный знак моего постоянства.
Небо – в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко – уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,
Страшно – в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность —
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искаженные черты, —
И это всё твои видения,
И это – новый – страшный – ты?

В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,
Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.

Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь все могильное

И всюду сеешь смерть одну?

И в равнодушии надменности,
Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту – рабу самой себя?
Ты – блеск, ты – гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой – страшный символ вечности —
Кольцеобразная змея!

Зачем чудовище – над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звездною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить!
Душою там, я сердцем – здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг —
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнью своей,
И не могу не быть – никак —
Вплоть до исхода дней.

Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развеется, как дым.
А буду смел – замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы —
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов.

Забытый раненый солдат

И стая хищных птиц,
Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц.

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?

От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум —
Как стук кладбищенских костей,
В душе зловещий шум, —
И я бегу, бегу людей,
Среди людей — самум.

В тюрьме

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись — качнулись — слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о солнце, звездах и луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

Избранный

О да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,

Сын солнца, я – поэт, сын разума, я – царь.
Но предки за спиной, и дух мой искаженный —
Татуированный своим отцом дикарь.

Узоры пестрые прорезаны глубоко.
Хочу их смыть – нельзя. Ум шепчет: перестань.
И с диким бешенством я в омуты порока
Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань.

Но, рынку дань отдав, его божбе и давкам,
Я снова чувствую всю близость к божеству.
Кого-то раздробив тяжелым томагавком,
Я мной убитого с отчаяньем зову.

Раненый

Я насмерть поражен своим сознаньем,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданьем,
Я создал мир со всем его страданьем.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон —
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но, видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданием не любим.
И, весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен насмерть разумом моим.

Проклятие глупости

Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц – водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.

На всем своя – для взора – позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!

Уроды *Сонет*

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Лады, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестоким матери, безжалостной Природы, —
Кривые кактусы, побеги белены
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, —

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя господ, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

Кузнец

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг,
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,
Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, —
Все в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запылившимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, —
Я – кую!

Проповедникам

Сонет

Есть много струй в подлунном этом мире,
Ключи поют в пещерах, где темно,
Звения, как дух, на семиструнной лире,
О том, что духам пенье суждено.
Нам в звонах наслаждение одно,
Мы духи струн мирских на шумном пире,
Но вам, врагам, понять нас не дано,
Для рек в разливе надо русла шире.
Жрецы элементарных теорем,
Проповедей вы ждете от поэта?
Я проповедь скажу на благо света, —
Не скукой слов, давно известных всем,
А звучной полногласностью сонета,
Не найденной пока еще никем!

Хвала сонету

Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой.

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.
И не однажды в сердце поражал

Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Я не из тех **Сонет**

Я не из тех, чье имя легион,
Я не из царства духов безымянных.
Пройдя пути среди равнин туманных,
Я увидал безбрежный небосклон.
В моих зрачках – лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон.
Ты думаешь, что в тающих покровах
Застыл едва один-другой утес?
Гляди: покров раскрыт дыханьем гроз.
И в цепи гор, для глаза вечно новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах!

Ожесточенному

Я знаю ненависть, и, может быть, сильней,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая, и полная огней
Тобою брошенного рая.
Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.
Но, мучимый как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.
С врагами – дерзкий враг, с тобой – я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, исступленный!

Разлука Сонет

*Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любит,
Как мать – сыра земля.*

Песня бродяги

Есть люди, присужденные к скитаньям,
Где б ни был я, – я всем чужой всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села с их глухим страданьем,
Но никогда, о сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.

Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны – к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

Аромат солнца

Запах солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной,
Нежно-светлоткаными
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат,
Есть у солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

Воспоминание о вечере в Амстердаме *Медленные строки*

О тихий Амстердам
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь – не там,
Зачем уйти не волен,
О тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрязившим каналам
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О тихий Амстердам!
О тихий Амстердам!

Исландия

Валуны и равнины, залитые лавой,

Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей.
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.

Тени чахлых деревьев и море... О, море!
Волны, пена и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды на влажном просторе
Пели песни при свете вечерней звезды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для угрюмой, томительной песни своей.

И в строках перепевных доныне хранится
Ропот бури, и гром, и ворчанье волны, —
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.

«Нам нравятся поэты...»

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас,
Священные предметы,
Дабы украсить час —

Волшебный час величья,
Когда, себя сильней,
Мы ценим без различья
Сверканья всех огней, —

Цветы с любым узором,
Расцветы всех начал,
Лишь только б нашим взорам
Их пламень отвечал, —

Лишь только б с нашей бурей
Сливался он в одно,
От неба или фурий —
Не все ли нам равно!

К Бодлеру

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудишься, о царственный Бодлер,

Любовник ужасов, обрывов и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный демон ты!

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящийся, рожденный царством льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты – дух блуждающий в разрушенных мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты – черный, призрачный, отверженный монах!

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

К Лермонтову

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем неразделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям,
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жестким блеском этих темных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне средь вас!»

«Мой друг, есть радость и любовь...»

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я, и ты —
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

Оттуда

Я обещаю вам сады...

Коран

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.
Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.
Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.
Идите все на зов звезды,
Глядите: я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

Луна

O, sovereign mistress of true melancholy.

Shakespeare⁴

Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отражение,
Но этот призрак дышит не случайно».

⁴ О, верховная владычица истинной печали. Шекспир (англ.).

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

Своим ущербом, смертью двухнедельной
И новым полновластным воссияньем
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.

Но, нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

«Я в глазах у себя затаил...»

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих,
Красоту позабытых могил
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал,
Но губами он к ним не приник.
Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней:
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

И да и нет

1

И *да* и *нет* – здесь все мое,
Приемлю боль – как благодатьню,
Благославляю бытие,
И если создал я пустыню,
Ее величие – мое!

2

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых – лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть частию красив.

Он может мне сказать живое слово,
Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое участие думать, что сознаньем
Над смутой гор, морей, лесов и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем
Царит непобедимый человек.

О, верю! Мы повсюду бросим сети,
Средь мировых неистощимых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он – наш, он – наш, лазурный небосвод!

3

Страшны мне звери, и черви, и птицы,
Душу томит мне животный их сон.
Нет, я люблю только беглость зарницы,
Ветер и моря глухой перезвон.

Нет, я люблю только мертвые горы,
Листья и вечно-немые цветы,
И человеческой мысли узоры,
И человека родные черты.

4

Лишь демоны, да гении, да люди
Со временем заполнят все миры
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не снившейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,

С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии:
Земля, Огонь, и Воздух, и Вода.

5

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Всё – тонкие штрихи законченной картины,
Всё – тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума – широкие дороги,
Все вспышки страстные – подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И, цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к нему.

6

То будет таинственный миг примирения,
Все в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Все в мире воспримет восторг обаяния —
И воздух, и солнце, и звезды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрет никогда, никогда!

Майя

Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветущий в столетие раз,
Пряный, дышал между гор, на вершинах.
Месяц за скалы проплыл и погас.

В темной пещере задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мертвеца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читал он, святое моление;
Только прочел – и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине.

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина и цель,
Пышность восторга и сумрак потери,
Смерть на мгновенье и вновь колыбель.

Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпадения от вечного Браммы,
Ужас мучительный, сон бытия.

К самому небу возносятся горы,
Рушится с гулом утес на утес,
Топот и ропот, мольбы и укоры,
Тысячи быстрых и звонких колес.

Бешено мчатся и люди и боги...
Майя! О, Майя! Лучистый обман!
«Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги,
Майя – бездушный немой океан!»

Скрылись виденья. На горных вершинах
Ветер в узорах ветвей трепетал.
Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветок вековой, отцвел.

Индийский мотив

Как красный цвет небес, которые не красны,

Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вокруг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна, —
Так жизнь с восторгами и с блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

Индийский мудрец

Как золотистый плод, в осенний день дозревший,
На землю падает среди стеблей травы,
Так я, как бы глухой, слепой и онемевший,
Иду, не поднимая головы.

Одно — в моих зрачках, одно — в замкнутом слухе;
Как бы изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи
Не возмутят недвижных черт моих.

Сперва я, как мудрец, беседовал с веками,
Потом свой дух вернул к первичной простоте,
Потом, молчальником, я приобщился в Бrame —
И утонул в бессмертной красоте.

Четыре радуги над бурною вселенной,
Четыре степени возвышенных надежд,
Чтоб воссоздать кристалл из влаги переменной,
Чтоб видеть мир, не подымая вежд.

Альбатрос

Над пустыней ночью морей альбатрос одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,
Любовался, как царством своим, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним океан.

И порой омрачаясь, далеко на небе холодном,
Одиноко плыла, одиноко горела луна.
О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

Будем как солнце

Книга символов

1902. Весна

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.
Анаксагор

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страдания пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

«Будем как солнце! Забудем о том...»

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном!

Будем, как солнце всегда – молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты!

Голос заката

1

Вот и солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рекой.
И последний блеск по воздуху разлит,
Золотой пожар за липами горит.

А развесистые липы, все в цвету,
Затаили многоцветную мечту.
Льют пленительно медвяный аромат,
Этой пряностью приветствуют закат.

Золотой пожар за тканями ветвей
Изменяется в нарядности своей.
Он горит, как пламя новых пышных чар,
Лиловато-желто-розовый пожар.

2

Я – отошедший день, каких немного было
На памяти твоей, мечтающий мой брат.
Я – предвечернее светило,
Победно-огненный закат.

Все краски, сколько их сокрыто в силе света,
Я в мысль одну вложил, которая горит,
В огонь рубиновый одета
И в нежно-дымный хризолит.
Многоразличные созвучия сиянья
По небу разбросав, я все их слил в одно:
В восторг предсмертного сознания,
Что мне блаженство суждено.

Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозь,
Что быть прекрасней – невозможно,
И быть блаженнее – нельзя.

Гляди же на меня, о дух мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блеск бездонности зеркальной

Роскошно гаснущего дня.

Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

Гимн Огню

1

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцанье церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоликий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что, когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты, —
О красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду – другой.
Ты красный и дымный
В клочкотанье костра.
Ты как страшный цветок с лепестками из пламени,
Ты как вставшие дыбом блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основанием.
Ты являешься в быстром сиянье зарниц.
Ты, застывши, горишь в грозových облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты средь шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.

Ты – в хрустальности звезд и в порыве комет.
Ты от солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательно входишь в растенья
И, будя и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешь, как колос пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!
Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильнее, нет странней, нет светлей красоты!

4

Не устану тебя восхвалять,
О внезапный, о страшный, о вкрадчивый!
На тебе расплавляют металлы.
Близ тебя создают и куют
Много тяжких подков,
Много кос легкозвонных,
Чтоб косить, чтоб косить,
Много колец для пальцев лилейных,
Много колец, чтоб жизни сковать,
Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть
И устами остывшими слово «любить»
Повторять.
Много можешь ты странных вещей создавать,
Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
Чтобы ценное золото в безднах добыть,
И отточенный нож, чтоб убить!

5

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты,
Я такой же, как ты.
О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
В старину ты, как Змей, прилетал без конца
И невест похищал от венца.
И, как огненный гость, много раз, в старину,
Ты утешил чужую жену.
О блестящий, о жгучий, о яростный!

В ярком пламени несколько разных слоев.
Ты горишь, как багряный, как темный, как желтый,
Весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних листов.
Ты блистешь – как двенадцатицветный алмаз,
Как кошачья ласкательность женских влюбляющих глаз,
Как восторг изумрудной волны океана
В тот миг, как она преломляется,
Как весенний листок, на котором росинка дрожит и качается,
Как дрожанье зеленой мечты светляков,
Как мерцанье бродячих огней,
Как зажженные светом вечерним края облаков,
Распростерших свой траур над ликом сожженных и гаснущих
дней!

6

Я помню, Огонь,
Как сжигал ты меня
Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки Огня.
Нас терзали за то, что мы видели тайное,
Сожигали за радость полночного шабаша, —
Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое: горящие здания,
Где сжигали себя добровольно, среди тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные – мы.
И при звуках молитв, с иступленными воплями
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя полюбил!

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для нас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знание, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне – смерть!

Воззвание к океану

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший небосклон!

Зеркало предвечных начинаний,
Видевшее первую зарю,
Знающее больше наших знаний,
Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Ты никем не скованная цельность.
Мир земли для сердца мертв и пуст, —
Ты же вечно дышишь в беспредельность
Тысячами юно-жадных уст!

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты – как жизнь: и правда и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан!

Льдины

На льдине холодной
Плыву я один.
Угрюмый, свободный,
Средь царственных льдин.

И ветер чуть дышит,
Как смолкнувший зов.
Но сердце не слышит
Родных голосов.

Но сердце не хочет
Отраду найти.
И ветер пророчит
О вечном пути.

Плывут властелины
Угрюмых глубин,
Свободные льдины,
Я в море – один.

Любил я когда-то,
Но смех и печаль
Ушли без возврата
В туманную даль.

Далеко, далеко
Создания сна.
Как мертвое око,
Мне светит луна.

Над водной равниной
Лишь ветер один,
Да льдина за льдиной
Встает из-за льдин.

С морского дна

1

На темном влажном дне морском,
Где царство бледных дев,
Неясно носится кругом
Безжизненный напев.
В нем нет дрожания страстей,
Ни стога прошлых лет.
Здесь нет цветов и нет людей,
Воспоминаний нет.
На этом темном влажном дне
Нет волн и нет лучей.
И песня дев звучит во сне,
И тот напев ничей.
Ничей, ничей и вместе – всех,
Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
И безразличны сны.
На тихом дне, среди камней,
И влажно-светлых рыб,
Никто, в мельканье ровных дней,
Из бледных не погиб.
У всех прозрачный взор красив,
Поют они меж трав,
Души страданьем не купив,
Души не потеряв.
Меж трав прозрачных и прямых,
Бескровных, как они,
Тот звук поет о снах немых:
«Усни – усни – усни».
Тот звук поет: «Прекрасно дно
Бесстрастной глубины.
Прекрасно то, что все равно,
Что здесь мы все равны».

2

Но тихо, так тихо, меж дев, задремавших вокруг,
Послышался новый, дотоле неведомый звук.
И нежно, так нежно, как вздох неподводной травы,
Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы.

О бледные сестры, простите, что я не молчу,
Но я не такая, и я не такого хочу.
Я так же воздушна, я дева морской глубины,
Но странное чувство мои затуманило сны.
Я между прекрасных прекрасна, стройна и бледна.
Но хочется знать мне, одна ли нам правда дана.
Мы дышим во влаге, среди самоцветных камней.
Но что, если в мире и любят и дышат полней,
Но что, если, выйдя до волн, где бегут корабли,
Увижу я дали и жгучее солнце вдали!»
И, точно понявши, что понятным быть не должно,
Все девы умолкли, и стало в их сердце темно.
И вдруг, побледневши, исчезли, дрожа и скользя,
Как будто услышав, что слышать им было нельзя.

3

А та, которая осталась,
Бледна и холодна?
Ей стало страшно, сердце сжалось,
Она была одна?
Она любила хороводы
Меж искристых камней,
Она любила эти воды
В мельканье ровных дней.
Она любила этих бледных
Исчезнувших сестер,
Мечту их сказок заповедных
И призрачный их взор.
Куда она идет отсюда?
Быть может, там темно?
Быть может, нет прекрасней чуда,
Как это – это дно?
И как пробиться ей, воздушной,
Сквозь безразличность вод?
Но мысль ее, как друг послушный,
Уже зовет, зовет.

4

Ей вдруг припомнилось так ясно,
Что место есть, где зыбко дно.
Там все так странно, страшно, красно,
И всем там быть запрещено.
Там есть заветная пещера,

И кто-то чудный там живет.
Колдун? Колдунья? Зверь? Химера?
Владыка жизни? Гений вод?
Она не знала, но хотела
На запрещенье посягнуть.
И вот у тайного предела
Она уж молит: «Где мой путь?»
Из этой мглы, так странно-красной
В безлично-бледной глубине,
Раздался чей-то голос властный:
«Теперь и ты пришла ко мне!
Их было много, пожелавших
Покинуть царство глубины
И в неизвестном мире ставших,
Чем все, кто в мире, стать должны.
Сюда оттуда нет возврата,
Вернуться может только труп,
Чтоб рассказать свое «Когда-то»
Усмешкой горькой мертвых губ.
И что в том мире неизвестном —
Мне рассказать тебе нельзя.
Но чрез меня, путем чудесным,
Тебя ведет твоя стезя».
И вот колдун, или колдунья,
Вещает деве глубины:
«Сегодня в мире новолунье,
Сегодня царствие луны.
Есть в море скрытые течения,
И ты войдешь в одно из них,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь от вод морских.
Ты минешь море голубое,
В моря зеленые войдешь,
И в море алое, живое,
И в вольном воздухе вздохнешь.
Но, прежде чем в безвестность глянешь,
Ты будешь в образе другом.
Не бледной девой ты предстанешь,
А торжествующим цветком.
И нежно-женственной богиней
С душою, полной глубины,
Простишься с водною пустыней,
Достигнув уровня волны.
И после таинств лунной ночи,
На этой вкрадчивой волне,
Ты широко раскроешь очи,
Увидев солнце в вышине!»

5

Прекрасны воздушные ночи
Для тех, кто любил и погас,
Кто знал, что короче, короче
Единственный сказочный час.
Прекрасно влияние чуть зримой,
Едва нарожденной луны,
Для женских сердец ощутимой
Сильней, чем пышнейшие сны.
Но то, что всего полновластней
Во мгле торжества своего, —
Цветок нераскрытый – прекрасней,
Он лучше, нежнее всего.
Да будет бессмертно отныне
Безумство души неземной,
Явившейся в водной пустыне
С едва нарожденной луной.
Она выплывала к теченью
Той вкрадчивой зыбкой волны,
Незримому веря влеченью,
В неизвестные веруя сны.
И ночи себя предавая,
Расцветший цветок на волне,
Она засветилась, живая,
Она возродилась вдвойне.
И утро на небо вступило,
Ей было так странно-тепло,
И солнце ее ослепило,
И солнце ей очи сожгло.

6

И целый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была меж волн, как призрак дыма,
Бездушна и бела.
По плоскости, изломанной волнением,
Носилась без конца.
И не следил никто за измененьем
Страдавшего лица.
Не видел ни один, что там живая
Как мертвая была, —
И как она тонула, выплывая,
И как она плыла.

А к вечеру, когда в холодной дали
Сверкнули маяки,
Ее совсем случайно подобрали,
Всю в пене, рыбаки.
Был мертвен свет в глазах ее застывших,
Но сердце билось в ней.
Был долог гул приливов, отступивших
С береговых камней.

7

Весной, в новолунье, в прозрачный тот час,
Что двойственно вечен и нов
И сладко волнует и радует нас,
Колеблясь на грани миров,
Я вздрогнул от взора двух призрачных глаз
В одном из больших городов.
Глаза отражали застывшие сны
Под тенью безжизненных век,
В них не было чар уходящей весны,
Огней убегающих рек, —
Глаза были полны морской глубины
И были слепыми навек.
У темного дома стояла она,
Виденье тяжелых потерь,
И я из высокого видел окна,
Как замкнута черная дверь
Пред бледною девою с глубокого дна,
Что нищею ходит теперь.
В том сумрачном доме большой вышины
Балладу о море я пел,
О деве, которую мучили сны,
Что есть неподводный предел,
Что, может быть, в мире две правды даны —
Для душ и для жаждущих тел.
И с болью я медлил и ждал у окна
И явственно слышал в окно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.